

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ЗООНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В СКАЗКЕ

Принадлежность человека к определенной культуре обуславливает видение мира под определенным углом, транслируемость конкретных символов, знаков, ценностей. К числу языковых явлений, которым свойственна лингвоспецифичность и прецедентность, относятся сказки, характеризующиеся высокой степенью известности и значимости в познавательном плане. Устойчивость закрепленных в сказках ассоциативных связей между носителем, в частности персонажем-животным, и качеством находит реализацию в семантике и функционировании языковых единиц в современном французском языке.

Ключевые слова: сказка, зоонимические номинации, прецедентность, ассоциативные связи, сравнение, олицетворение.

Сказка изучается во многих трудах по истории и теории фольклора и сказочного жанра (А. Н. Афанасьев, В. П. Аникин, В. А. Бахтин, Бр. Кербелите, Е. А. Костюхин, В. Я. Пропп и др.), специальных работах по сравнительному изучению фольклора (А. Н. Веселовский, А. В. Гура, В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский и др.); трудах по семиотике (Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Т. В. Цивьян и др.); а также этнографических и культурологических исследованиях (В. М. Алексеев, И. Г. Баранов и др.). Большинство исследователей отмечают, что сказки, являясь частью народного творчества, служат источником знания о этой нации, поскольку в них отражается жизнь, местные природные условия, история того народа, который их создал или хранит. Вместе с тем установка на нереальность описываемых событий, лежащая в основе сказки, или так называемая “установка на вымысел”, определяет восприятие сюжета как фантастического, нереального. Однако язык сказочного повествования, описываемые факты, поведение персонажей отражают реально сложившийся порядок вещей. Будучи многофункциональным жанром, сказка может использоваться в развлекательных, дидактических, воспитательных и т.п. целях.

Элементы сказки могут приобретать статус прецедентного феномена, в результате приобретения языковой единицей лингвокультурной значимости «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях» [1, с. 216]. Достаточно вспомнить тот факт, что со сказками и их героями знакомятся с раннего детства, родители, бабушки-дедушки “вспоминают” с внуками сказочные сюжеты на более поздних жизненных этапах. Исходя из этого, создаваемая в пространстве сказок система ассоциаций отличается уникальностью, она ретранслируется от поколения к поколению.

Широкою известность у людей, проживающих в стране бытования сказки, приобретают многие традиционные сказочные формулы зачина, концовки (*Жили-были, Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец, Il était une fois, dans un royaume très lointain* досл. ‘Однажды в далеком королевстве’, *Et cric! Et crac! Mon conte est terminé* досл. ‘Бух! Бам! Моей сказочке конец’), имена персонажей типа *Золушка, Синяя борода, Нуф-Нуф, la Belle au Bois dormant / Спящая красавица, le Petit Chaperon Rouge / Красная шапочка* и др. Известность сказочных контекстов можно охарактеризовать посредством признака *vulgarisé* ‘популяризированный’ (*récits occidentaux déjà connus et vulgarisés* досл. ‘западные истории уже известны и популяризированы’). В этом аспекте отдельно можно выделить имена персонажей-животных (например, *Лисичка-сестричка, братец Медвежонок, Le Renard ‘Лиса’* и др.), которые становятся «говорящими» и способны разворачиваться в прецедентную ситуацию или текст.

Практически в каждой сказке, несмотря на ее разновидность (волшебная, бытовая, сказка о животных и т.п.), встречаются животные как главные или второстепенные персонажи. Распространенность персонажей-животных обусловлена тем, что «в традиционной культуре образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях» [2, с. 22]. В свою очередь В. Я. Пропп считает, что по своему происхождению сказки о животных связаны с явлением тотемизма и мировоззрением первобытных охотников, считавших некоторых животных священными и веривших в магическую связь своего рода с этими животными [3, с. 41]. Связь образа

животного с архетипическими представлениями обуславливает его символическое прочтение: «... chargé de connotations symboliques et archétypales, l'animal se rattache à un monde archaïque, primitif» [4, p. 293].

Остановившись на сказках о животных, отмечаем, что они имеют свою систему образов животных, которая особым образом связана и взаимодействует с кодом языка культуры. В отличие от волшебных и бытовых сказок, где животные, наделенные различными свойствами, играют роль помощника или врага героя, в сказках о животных последние играют главенствующую роль, а человек – второстепенную, или же занимает положение, равноценное животному. На фоне достаточно глубокой изученности английских и русских сказок, французские, хоть и привлекали интерес лингвистов, но рассматривались в основном в аспекте прагматических и структурных особенностей. В данной статье предлагаем анализ некоторых зоонимических номинаций, часто встречаемых в канве сказочного сюжета и приобретших устойчивую ассоциативную ауру во французском языке.

В начале анализа отмечаем наличие многочисленных сравнений сказочных персонажей с поведением или свойством животного: такого рода сопоставление позволяет раскрыть характер персонажей повлиять на его восприятие читателем (реже – другими персонажами). В приведенных ниже высказываниях сравнительная формула *Adj+comme un animal* или *V+comme un animal* (например, *mordera comme une chienne* ‘будет кусать как собака’, *vif comme un écureuil* ‘шустрый/быстрый, как белка’) лежит в основе видения персонажа как наделенного определенным свойством.

(1) *Elle mordera tout le monde comme une chienne* досл. ‘Она будет кусать всех как собака’;

(2) *Il était heureux, tu ne l'es pas, il avait une femme ravissante, tu vis seul comme un chien* досл. ‘Он был счастлив, а ты нет, у него была прекрасная жена, ты живешь один, как собака’;

(3) *Oudelette était vive comme un lézard* досл. ‘Уделетта была быстрая, как ящерица’;

(4) *Guihen ... était vif comme un écureuil* досл. ‘Гиен ... был шустрым, как белка’;

(5) *L'aîné était un solide garçon, grand chasseur et grand buveur : le plus jeune, un innocent de santé fragile, doux comme un agnelet* досл. ‘Старший был сильным мальчиком, великим охотником и великим пьющим: младший – невинный, с хрупким здоровьем, нежный, как ягненок’;

(6) *Le monstre était brillant comme du cristal et mou comme une méduse* досл. ‘Монстр сиял, как кристалл, и был мягким, как медуза’;

(7) *L'astrologue se tenait à côté, raide comme un crocodile* досл. ‘Рядом стоял астролог, прямой, как крокодил’ и др.

Такие сравнения включаются в систему образных средств сказочного произведения и позволяют точно и ярко представить персонажа на основе зрительного восприятия. Причем сопоставляемое свойство (примеры (1), (2)) или манера поведения (примеры (3), (4), (5), (6), (7)) являются характерными и отличительными, приближающимися к эталонным. В определенной степени свойство становится неотделимым от его носителя типа *chienne mordante* ‘кусающая собака’, *écureuil vif* ‘шустрая белка’. Таким образом, связь образа животного и свойства, которое традиционно за ним закреплено, устойчива в рамках сказочного повествования и постепенно становится стереотипной.

В сказках о животных специфика имен персонажей-животных заключается в особенностях обозначаемого ими денотата, который существует только в сказке. Персонажи-животные уподобляются людям по характеру и поведению, что в определенной мере приближает их к басенным персонажам, когда через образ животного высмеиваются отрицательные черты характера, негативные поступки. В аспекте сказанного сравним представление некоторых животных-персонажей в басне Ж. де Лафонтена и сказках. Так, *Luca (Le Renard)* постоянно хитрит и в сказке:

(8) *Il était une fois un renard gascon plus rusé que ne furent jamais renards provençieux* досл. 'Давным-давно жила лиса в Гаскони, более хитрая, чем когда либо провинциальные лисицы' и (9) *Le renard, comme on sait, a une grande réputation de malice, et il la mérite* досл. 'У лисы, как известно, репутация знатной хитрюги, и она ее заслуживает';

и в басне:

(10) *Un vieux Renard, mais des plus fins, Grand croqueur de poulets* 'Старая Лисица, одна из самых хитрых, Ловить кур великая мастерица'.

Причем разнообразие «хитрых» проявлений персонажа *Лисы* впечатляет: *fin* 'лукавый', *subtil* 'хитроумный', *matois* 'тертый калач' (в басне «Le Renard, les Mouches et le Hérisson»), *madré* 'хитрый' («Le Renard et les Poulets d'Inde»), *malin* 'хитрый' («Le Loup plaidant contre le Renard par-devant le Singe»), *hypocrite* 'лицемерный' («Le Chat et le Renard»)» [5].

В традиционном для современного читателя образе царя зверей (*le roi des animaux*) предстает персонаж *Лев (Le Lion)*:

(11) *Une fois, un lion, roi de la forêt, a convoqué tous les animaux* досл. 'Однажды лев, царь леса, призвал всех зверей' и

(12) *Avec un fier Lion, Seigneur du voisinage* 'С гордым Львом, хозяином всей окрестности'.

Таким образом, в сказках о животных, как и баснях, черты персонажей-животных представлены в сконцентрированном виде, т.е. в них действуют персонажи с чрезмерно выделенной чертой, например, хитрая Лиса, злой Волк, трусливый Заяц и др. В этом плане персонажи-животные становятся основой для устойчивого типизирования определенных свойств. Как и в басне, где животные олицетворяют реальных носителей человеческих пороков в быту (жадность, глупость, трусость, хвастовство, плутовство, жестокость, лесть, лицемерие и т.п.), в сказке о животных присутствует иносказательное изображение человеческого. К тому же, сказочный персонаж-животное действует и говорит, как обычные люди, что и увеличивает смысловую нагрузку персонажа-животного.

Повторяемость зооморфных образов в определенных контекстах приводит к ассоциативному закреплению связи с конкретными свойствами. Исходя из этого, данные образы способствуют передачи установок традиционной народной культуры. Во французской сказке наиболее яркими персонажами-животными являются *le Chat* 'Кот', *le Renard* 'Лиса', *le Lièvre* 'Заяц', *le Loup* 'Волк', некоторым из которых далее уделим внимание.

Во французских сказках Лиса выступает главным трикстером: в ее поведении и проявлении черт характера устойчиво доминируют хитрость, склонность к обману и уловкам, плутовство (*renard rusé* 'хитрая лиса'). В высказываниях (8) и (9) хитрость Лисы показана как градуальное качество,

которое можно измерить. По сюжету сказки видно, что эта Лиса пойдет на всё, чтобы получить своё – будет притворяться слабой и беспомощной, пускать в ход всё своё обаяние и красноречие. Образ лисы стабилен: она рисуется как лживая, хитрая обманщица. Рассматривая многие сюжеты сказок видим, что Лиса льстивая, мстительная, хитрая, расчетливая.

Во французских сказках персонаж Волк сохраняет устойчивые ассоциации со злобой, злостью (*loup méchant*), даже жестокостью, жадностью: например,

(13) *Je ne crains pas le méchant loup* ‘Я не боюсь злого волка’.

В древних культурах образ волка ассоциировался со смертью, поэтому в сказках этот персонаж зачастую кого-то съедает или нарушает спокойную жизнь:

(14) *Il y avait là dix à quinze loups, tous forts, gris et vigoureux comme des ânes, en train de dévorer le cadavre d'un boeuf* досл. ‘Там было от десяти до пятнадцати волков, все сильные, серые и стремительные, как ослы, пожирающие труп вола’;

(15) *Loup qui rôde ... dévore trois biquets* досл. ‘Крадущийся волк ... пожирает трех коз’.

Или в сказке «Le Loup et les sept chevreaux» Волк говорит: *Si tu ne le fais pas, je vais te dévorer* досл. ‘Если ты этого не сделаешь, я тебя съем’.

Во французской сказке постоянно упоминается природная звериная сущность волка – его жестокость, прожорливость.

Le Lièvre ‘Заяц’ выступает в сказках в роли слабого, трусливого персонажа. Все элементы сказки помогают сложить его однозначное восприятие (*lièvre peureux*). Например, на протяжении всей сказки «L’expédition de Périgou» заяц, ставший помощником главного героя, всячески показывает свою трусость. При малейшем шуме он кричит «спасайся, кто может» и стремится убежать:

(16) *Lièvre gémit : sauve qui peut !* досл. ‘Заяц стонет: спасите, кто может!’.

В сказке неоднократно подчеркивается, что он труслив:

(17) *... tremblant de terreur* досл. ‘дрожащий от ужаса’;

(18) *peu de courageux de son naturel* досл. ‘несмелый по своей натуре’.

Физические данные зайца, такие как чуткий слух и способность быстро бегать (*j’ai l’oreille fine et les jambes rapides* досл. ‘У меня чуткие уши и быстрые ноги’), помогают ему в случае опасности.

Как видно из вышесказанного, сказочный жанр обуславливает то, что в сказке персонажи-животные ими и являются, нет даже намёка на человека, только на определенное качество/свойство. Иногда данные свойства выступают в качестве своеобразных ориентиров поведения. В силу стереотипности и устойчивости приписываемого животному качества имя данного животного приобретает свой культурно маркированный ассоциативный фон, а позднее система сложившихся ассоциаций переносится по отношению к реальным существам. Обладая экспрессивной, символической функциями данные имена становятся частью коллективно-образной картины мира носителей французской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 264 с.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик» 1997. – 912 с.
3. Пропп, В. Я. Предисловие / В. Я. Пропп // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1957. – С. III-XVI

4. Baranowski, A.-M. L'animal dans le conte populaire allemand. L'exemple des contes de Grimm / A.-M. Baranowski // Bestiaires: nouvelles recherches sur l'imaginaire. – Rennes: Presses universitaires, 2014. – P. 293–303.
5. Романкевич, М. Н. Зооморфизм и зоосимвол в системе вторичных номинаций французского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / М. Н. Романкевич ; МГЛУ. – Минск, 2016. – 196, [1] л.

The fact of a person's belonging to a certain culture determines his / her world vision from a certain perspective, the transmission of specific symbols, signs, values. Among the linguistic phenomena, which are characterized by linguistic specificity and precedence, are fairy tales which are well known and significant from cognitive point of view. The stability of the associative links fixed in fairy tales between the bearer, in particular the animal character, and the quality is realized in the semantics and functioning of linguistic units in modern French language.

Keywords: fairy tale, zoonymic nominations, precedence, associative links, comparison, personification.